УДК 82-3(571.6)

*Т. В. Васильева***Геопоэтика водных пространств в прозе В. П. Сысоева**

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Аннотация. В последнее время в современном литературоведении наблюдается интерес к исследованию геопоэтики отдельных регионов, нашедшей отражение в художественных произведениях. Геопоэтические образы являются доминантными субзнаками, концептуализирующими символический образ территории как единого целого, узнаваемыми маркерами природного и социокультурного пространства региона. В творчестве В. П. Сысоева образ дальневосточного Приамурья раскрывается в изображении природно-географических пространств, в том числе водных пространств, которые не только являются изобразительным фоном разворачивающихся действий, но и выполняют хронотопическую функцию, связанную с инициацией героев в дальневосточном пространстве. Актуальность данного исследования определяется необходимостью анализа поэтики образов водного пространства Приамурья, художественная репрезентация которых является способом региональной самоидентификации автора-наблюдателя и читателя. Цель исследования – выделить и описать доминантные образы, представляющие в прозе В. П. Сысоева водное пространство Приамурья, раскрыть их художественное своеобразие. Для достижения поставленной цели решаются задачи изучения мотивно-сюжетной, образной и изобразительно-выразительной специфики произведений «За Черным собором», «Хозяин Малого Хинганга», «Светлые струи Амгуни» и т. д., проводится анализ геопоэтической образности, представляющей водное пространство Дальнего Востока в природно-географическом, мифопоэтическом и социокультурных аспектах. В результате доказано, что образы водных пространств в прозе В. П. Сысоева не только связываются с общелитературной традицией изображения стихийных пространств, но и имеют уникальную региональную специфику, заключающуюся, с одной стороны, в объективно-научном изображении водных пространств Приамурья, с другой стороны, в символично-философском осмыслении образов как части идиллического, замкнутого, изолированного, регионально маркированного природного и социокультурного пространства, в котором человек познает естественные законы природы и осмысляет свое место в мироздании.

Ключевые слова: В. П. Сысоев, малая проза, геопоэтика, геопоэтический образ, хронотоп пути, идиллический хронотоп, художественный мир, мифопоэтика, образы водных пространств, поэтика.

DOI

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Владимировна – ст. преп. кафедры русской филологии, Тихоокеанский государственный университет.

E-mail: t-1980@yandex.ru

VASILYEVA Tatiana Vladimirovna – Senior Lecturer in the Department of Russian Philology, Pacific State University.

T. V. Vasilieva

Geopoetics of water spaces in V. P. Sysoev's prose

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Abstract. Recently, in modern literary criticism, there has been an interest in the study of the geopoetics of individual regions, which is reflected in a work of fiction. A whole, recognizable markers of the natural and socio-cultural space of the region. In the work of V. P. Sysoev, the image of the Far Eastern Priamurye is revealed in the image of natural and geographical spaces, including water spaces, which are not only a pictorial background of unfolding actions, but also perform a chronotopic function associated with the initiation of heroes in the Far Eastern space. The relevance of this study is determined by the need to analyze the poetics of the images of the water space of the Amur region, the artistic representation of which is a way of regional self-identification of the author-observer and the reader. The purpose of the study is to highlight and describe the dominant images that represent the water space of the Amur region in V. P. Sysoev's prose, to reveal their artistic originality. To achieve this goal, the tasks of studying the motive-plot, figurative and pictorial-expressive specifics of the works "For the Black Sable", "The Master of the Small Khingang", "Light streams of Amgun", etc. East in natural-geographical, mythopoetic and social and cultural aspects. As a result, it was proved that the images of water spaces in V. P. Sysoev's prose are not only associated with the general literary tradition of depicting spontaneous spaces, but also have a unique regional specificity, which consists, on the one hand, in an objectively scientific depiction of water spaces in the Amur Region, and on the other hand, in symbolism. philosophical understanding of images as part of an idyllic, closed, isolated, regionally marked natural and social and cultural space, in which a person learns the natural laws of nature and comprehends his place in the universe.

Keywords: V. P. Sysoev, small prose, geopoetics, geopoetic image, chronotope of the path, idyllic chronotope, artistic world, mythopoetics, images of water spaces, poetics.

Введение

Геопозитический подход к изучению литературы представлен в исследованиях в области культурной географии (Д. Н. Замятин, В. В. Абашев, В. Г. Щукин) [1–3]; путевой прозы (Ю. М. Лотман, В. М. Гуминский) [4–5]; региональных текстов (А. Н. Давыдов, О. А. Лавренова, И. А. Разумова и др.) [6–8].

Основной категорией геопозитики является «геопозитический образ», под которым подразумевается «символический образ территории как единого целого», в котором «территория, ландшафт <...> осознаются как значимая инстанция в иерархии уровней природного мира и становятся предметами эстетической и философской рефлексии <...> ландшафт концептуализируется <...> и его доминирующие черты получают символическое осмысление» [2, с. 143–144]. Ряд исследователей отмечает, что геопозитический образ отличается символической насыщенностью и философичностью [9],

восприятие географического пространства в его экзистенциальной сущности невозможно без субъективно-личностного осмысления, а также выделяют особую аксиологическую значимость в структуре геопоэтического образа [10].

Геопоэтические образы являются доминантными субзнаками регионального локального текста. Геопоэтика дальневосточного локального текста как отдельное терминологически закреплённое направление литературоведческих исследований, по словам О. Н. Александровой-Осокиной, «находится в стадии формирования предметно-содержательной сферы» [11, с. 217]. Как отмечает исследователь, «существует значительное количество работ по литературе Дальнего Востока (по творчеству В. К. Арсеньева, русских писателей харбинской эмиграции, пейзажной прозе и поэзии дальневосточных писателей XX века), в которых без использования термина геопоэтика рассматриваются проблемы геопоэтического образа». Однако геопоэтические образы, составляющие геопоэтическую модель дальневосточного локального текста, остаются неизученными и требуют выделения и научного описания. В этом плане прозу В. П. Сысоева можно рассматривать как инвариант локального текста. В творчестве В. П. Сысоева образ Дальневосточного Приамурья раскрывается прежде всего в изображении природно-географических пространств. Опыт писателя как ученого-натуралиста определяет специфику изображения природного пространства, с одной стороны, представленного с документальной точностью, с другой стороны, образы дальневосточного пространства являются репрезентантом интимно-личностного соприкосновения автора и его героев с этим пространством. В социокультурном аспекте пространство Приамурья позиционируется как пространство «людей тайги»: охотников-промысловиков, звероловов, рыбаков, охотоведов, экспедиторов, лесников, «естественных людей» из числа коренных малочисленных народов. Опыт познания природно-географического и социокультурного пространства Приамурья происходит через феномен охоты как одной из характерных форм проявления национальной жизни, закреплённых многовековой традицией. Личный опыт В. П. Сысоева как профессионального охотника и охотоведа обусловил роль автобиографического контекста в качестве одной из доминант организации художественного пространства его прозы. Архетипика охоты как одного из древнейших видов деятельности человека и мифопоэтика пространства Приамурья, закреплённая в этнографо-фольклорном наследии коренных жителей Приамурья и корпусе текстов, образующих локальный дальневосточный текст, позволяют рассматривать глубинные архетипические пласты произведений В. П. Сысоева. Художественное изображение пространства Дальневосточного Приамурья становится способом выражения натурфилософских, этических, социальных, эстетических взглядов писателя в их идеальном содержании. В связи с этим целью данной статьи является попытка исследования поэтики геопоэтических образов водных пространств как одной из составляющих геопоэтического образа Приамурья.

Для достижения поставленной цели нами были разрешены следующие задачи:

- 1) обозначить место образов водных пространств в хронотопической структуре произведений;
- 2) выделить доминантные геопоэтические образы, представляющие водное пространство Приамурья;
- 3) проанализировать художественные особенности воплощения образов водных пространств Приамурья на мотивно-содержательном, идейно-художественном и изобразительно-выразительном уровнях.

Основные положения данной статьи свидетельствуют о том, что образы водных пространств в прозе В. П. Сысоева наделены геопоэтической составляющей, проявляющей себя в означивании специфики водных пространств дальневосточного региона в объективно-научном описании водных пространств (реальная топонимика,

обозначение размеров, специфика ландшафта, флоры, фауны и т. д.) и представляющей собой символично-философское осмысление геопоэтического образа дальневосточного региона как труднопроходимого, стихийного, опасного, но величественного и прекрасного пространства, в котором человек «явится именно тем, что он есть».

Материалы и методы исследования

Материалами исследования стали повести и рассказы В. П. Сысоева, в которых образы водных пространств выполняют хронотопическую функцию, связанную с мотивом пути и мотивами инициации героя. Это повести «Хозяин Малого Хингана», «За черным соболем», «Светлые струи Амгуни», «Мятежная душа», рассказ «Ход до смерти». Методами исследования выступили метод сравнения, сопоставления, наблюдения, анализа и классификации.

Водные пространства в хронотопической структуре прозы В. П. Сысоева

В хронотопической структуре малой прозы В. П. Сысоева ведущим мотивом является мотив путешествия. Динамика повествования обусловлена сменой локаций, в которых действуют герои, их судьбы переплетаются в процессе совместных путешествий, становление героев происходит в моменты различных приключений, схваток со стихийными силами природы, в процессе совместной деятельности по преобразованию природы. Хронотоп водных пространств, с одной стороны, является неотъемлемой частью хронотопа дальневосточной тайги (основного хронотопа прозы В. П. Сысоева), с другой стороны, в повестях «За черным соболем» и «Светлые струи Амгуни» выступает в качестве самостоятельного сюжетообразующего элемента. Хронотоп водных пространств связывается с мотивом пути, в процессе которого происходит становление героя-искателя как личности. В системе образов наблюдается четкая функциональная иерархия: в качестве главного героя это обычно начинающий молодой охотовед (охотник, зверолов и т. д.), который в процессе взаимодействия с остальными персонажами («мудрые проводники» — бывалые охотники, проводники из числа коренных народностей; антагонисты — браконьеры, чиновники, персонажи с «потребительской» идеологией и т. д.) проходит путь от неопытного новичка до умудренного «человека тайги», познавшего на фоне естественного мира природы свое место в мироздании и осознавшего ответственность перед ней. Поэтому с сюжетной точки зрения водные пространства организуют авантюрно-бытовой хронотоп, связанный с различными приключениями героев в процессе путешествия. Локации обычно обозначены в названиях глав: «По горбатой реке», «Робинзоны муравьиного острова», «К древнему озеру Чукчагир» и т. д. Время обозначается как природное, цикличное, связанное со сменой времени суток и календарного времени. Тем не менее оно динамично и проявляет себя не только в смене локаций и календарного времени, но и в изменении вещного мира (В. П. Сысоев детализирует изменение орудий труда, одежды, средств передвижения и т. д.). Водное пространство становится пространством инициации героев: герои ищут свою цель, свое предназначение, им выпадают различные испытания, в которых они должны сделать правильный выбор. Обычно испытания связаны с разгулом стихии (наводнения, пожары, испытания холодом, прохождение топей и т. д.). Одним из видов испытаний становится охота: это либо случайная встреча человека со зверем, либо сознательная охота, с одной стороны, оправдываемая автором как необходимость (добыча пищи, пополнение зоологических коллекций, природопользовательская деятельность по регулированию популяций животных), с другой — осуждаемая, если дело касается личных целей обогащения или охотничьего азарта (например, отстрел лебедей в повести «Светлые струи Амгуни»). Результатом инициации становится осознание героем единства с природой, постижение натурфилософии природы как изначально заданного естественного закона, по которому следует жить, принятие вины и ответственности перед природой. С другой стороны,

хронотоп водных пространств воспринимается как идиллический. Воплощая собой пространство, где все подчиняется естественным законам природы, водные пространства являются частью гармоничного универсума, к которому стремятся герои. Мастерски прорисовывая пейзажи водных пространств Приамурья, автор подчеркивает их эстетику, многообразие, изобилие, представляя их как «пространство жизни». Подчиненность всего живого «естественным» законам, отсутствие человеческих пороков в мире природы делают это пространство «райским местом», куда стремятся герои с «неведомой силой», осознавая все опасности. Идиллические представления у В. П. Сыроева связываются и с мечтами героев о преобразовании мира природы. В прозе В. П. Сыроева особенно актуализируется концепт труда. Его персонажи – охотники, охотоведы, рыбаки, экспедиторы – считают труд важнейшей характеристикой настоящего человека. Активное преобразование дальневосточного пространства на благо человека В. П. Сыроев считал миссией. Труд для В. П. Сыроева – это труд созидателя идеального счастливого пространства, в котором царит изобилие, где нет места «бессмысленному труду» (мечты героев о смене сельскохозяйственного труда на затопляемых территориях на охоту и сбор дикоросов), где люди научатся жить по естественным законам природы, чувствовать и понимать ее, нести перед ней ответственность.

Можно заключить, что водные пространства в прозе В. П. Сыроева представлены как в качестве самодостаточных геопоэтических образов, так и в качестве отдельной составляющей, организующей хронотопическое пространство повестей и рассказов.

Поэтика пространства рек

Водное пространство Приамурья представлено в прозе В. П. Сыроева образами рек, моря, озер, болот, лесных ключей. Стихия воды имеет первостепенное значение в художественном пространстве прозы В. П. Сыроева. Речное пространство наряду с пространством тайги является хронотопом повестей «За черным соболем» и «Светлые струи Амгуни». Местом действия повестей становятся реки Амур, Зея, Сутырь, Ерик, Ниман, Буря, Мая, Унья, Сагды-Бира, Баджал, Амгунь, Ольджикан. Смысловые доминанты геопоэтики рек связаны с семантикой стихийности. Автор постоянно подчеркивает их мощь и «свирепость», детализируя способность водной стихии сносить все на своем пути. Динамика достигается за счет глаголов «кипит», «сносит», «буравит», «вздымается», «прорывает» и т. д. Часто используется прием противопоставления спокойных вод реки «буйным» рекам, подчеркивая их изменчивый характер. В описании реки Баджал автор использует анималистическое сравнение: «Баджал – река-тигр. Коварно петляя в горных теснинах, она стремительно бросает свои светлые струи под огромные заломы, прорывает галечные косы, с ревом несется к Амгуни» [12, с. 249]. Введение в поэтику рек сравнения с животными усиливает образность восприятия первозданной мощи реки как динамического первопространства. Амур автор образно сравнивает с «кровожадным Черным драконом», апеллируя к нанайскому топониму, в котором закрепился миф о борьбе Черного и Белого дракона. В древнем сказании анималистический образ реки отражает также морфологию Амура: «хвост» Черного Дракона находится в степях Монголии и Даурии, «туловище» охватывает почти все пространство Дальнего Востока. Две левые «лапы» дотягиваются до самого Станового хребта, где берут начало притоки Амура Зея и Буря, а две правые «лапы» – притоки Сунгари и Уссури — в Китае и в Приморье. «Голова» Дракона упирается в Охотское море, и он «пьет воду» Татарского пролива. Амур как «хозяин», мифическое первопространство, принимает в себя воды других рек. Так, В. П. Сыроев пишет об Амгуни: «Не успевая оттаять, земля не может вписать в себя эту массу воды, она скатывается со склонов гор, переполняя пади, переливаясь через берега малых рек, и, выраввшись в широкую долину Амгуни, с ликующим грохотом мчится в объятья седого Амура — Черного Дракона, неся ему в дар душистые тополя, миллионы кубометров золотого песка и прохладу

Дуссе-Алиня». Требование «жертвы» рекой отражается в нанайских мифах, где Черный дракон пожирал девушек, топил их. Безусловно, здесь нашло отражение концептуализация реального образа дальневосточных рек, в которых гибнет и человек, и животное. Этот мотив нашел отражение в прозе В. П. Сысоева. В «Хозяине Малого Хингана» описывается эпизод гибели лося, пытавшегося перейти реку по неокрепшему льду. На реке Зее погибает опытный проводник Ботракин. В эпизоде его гибели описывается неистовство реки, обусловленное какой-то «неведомой силой»: «Быстро замелькали береговые деревья. Некоторые из них, подмытые водой опрокинулись в реку... Над подтопленной вершиной одного такого дерева какая-то неведомая сила вдруг подняла проплывавший бат и опрокинула... Опрокинутый бат исчез в пене водоворота» [13, с. 178]. «Рассвирепевшая водная стихия» пугает главного героя Буслаева, поскольку мощи воды сопутствует «лютый холод». Мотив холода является характеристикой все рек в художественном пространстве прозы В. П. Сысоева. Обычно он передает его через тактильные ощущения героев: «Быстрые прозрачные струи горной реки настолько холодны, что обжигают» [12, с. 239]; «Вода лютым холодом обожгла тело, руки и ноги мгновенно заоченели» [13, с. 178]. Мотив холода связывается с мотивом могилы: «Но самыми страшными были не холод, не темнота и лесная чащоба, а протоки и впадавшие в Зею ключи и речки. Еще не скованные льдом, они чернели на пути, как холодные могилы» [13, с. 179]. «Река могла стать могилой для всех троих» [13]. Река как пространство смерти концептуализируется и в лейтмотивном для творчества В. П. Сысоева и дальневосточного локального текста о природе мотиве «хода до смерти» – периода нереста кеты. Особенностью этого лейтмотива становится бинарность категорий «смерть / жизнь», погибая, кета дает жизнь потомству и кормит своими телами обитателей тайги. Этот мотив встречается у В. П. Сысоева в повести «Хозяин малого Хингана», ему посвящен анималистический рассказ «Ход до смерти», присутствует он и в повестях «За черным соболем» и «Светлые струи Амгуни». В. П. Сысоев называет этот процесс «таинством», подчеркивая, что оно «происходит веками». Автор подчеркивает природную мощь этого явления, сравнивая ход кеты с грозой: «Время от времени до него доносился какой-то приглушенный гул, словно раскаты далекого грома... Это не гроза... Это кета на дне реки гнезда делает, чтобы отложить туда икру. Сдвигает камни, вода их сносит, они ударяются друг о друга и шумят» [13, с. 170]. У героев это таинство вызывает почтение: «Буслаев удивлялся: и почему это людей с холодным, вялым темпераментом сравнивают с рыбой? Да есть ли среди теплокровных животных такая неудержимая стремительность, такой неистощимый запас энергии, направленный на сохранение вида, как у этой рыбы?!» [12, с. 244]. В момент гибели Авдеева, сквозного героя прозы В. П. Сысоева, отважного охотоведа, следопыта, тигролова, «всеобщего любимца экспедиции», Сафронов замечает: «Он шибко любил тайгу, ходил далеко, как кета. Хороший человек – хорошая смерть» [12, с. 325].

Со стихией воды в художественном пространстве связывается стихия воздуха. «Две стихии – вода и небо – незаметно переходили одна в другую», – отмечает писатель, описывая Чукчагирское озеро. С небом связана символика солнца как воплощения жизненного начала, которое «голубит» воды Приамурья: «Поднявшееся солнце залило озеро золотистым светом, наполнило его жизнью» [12, с. 278]; «Пасмурные дни сменились солнечными, и сразу Амгунь поголубела» [12, с. 262]; «Как можно было не любоваться Амуром в этот яркий летний день! Его широкая гладкая поверхность, отражая чистое небо, теряла свою светло-желтую окраску и становилась нежно-голубой...» [13, с. 161]. Пейзажная картина воды и неба всегда сопровождается проявлением живого, будь то рыбы, плескающиеся в светлых водах на отмели, но чаще всего птицы: «Что может быть красивее, светлее утренней поры у реки... Ликующими песнями встречают рассвет птицы: они больше всех на земле любят этот могучий источник тепла и света» [13, с. 168]. «С низких полузатопленных берегов то и дело взлетали утки, краснолапые кулички,

а однажды из-за поворота вылетел огромный орлан-белохвост. Тяжело поднимался он в голубую высь, но, когда достиг незримых воздушных потоков, начал плавно парить, поднимаясь все выше и выше» [12, с. 298]. Свет, который несет солнце, подчеркивает прозрачность вод, поэтому часто воды описываются как «светлые».

В характере дальневосточных рек автор подчеркивает их изменчивость. Так, в повести «За черным соболем» Боев отмечает, что Амур – непредсказуемая и опасная для плавания река: «Среди обширного мелководья основное русло реки пролегалo подобно гигантской канаве, конфигурация которой менялась ежегодно: там, где в прошлом году проходили пароходы, можно было основательно сесть на подводную косу» [13, с. 162]. В описании реки Ольджикан подчеркивается ее «капризность», связанная с изменением пространств: «Сначала Ольджикан казался большим заливом, но вскоре сузился до двадцати метров и начал капризно петлять по необозримой болотистой равнине, поросшей вейником и осокой» [12, с. 298]. В главе «По горбатой реке» описывается Амгунь во время половодья, и изменчивость реки писатель объясняет поэтически: «...как будто вспомнив свое право на берега и разливы» река «вздывается с шумом и ревом» настолько, что вода становится выше берегов и людям кажется, что они плывут «по выпуклой», «горбатой реке» [12, с. 258]. Символически мотив изменчивости рек писатель связывает с изменчивостью времени. В письме к Ольге Буслаев пишет: «Не думалось мне, когда я уезжал с Амура, что пройдет 20 лет, прежде, чем я увижу его синеющие сопки, услышу шум речных перекатов» [12, с. 239]. Для героя Амур – концептуальная точка отсчета времени, пространство, которое вновь соединяет его с дорогими людьми из первой экспедиции и любимой. Мотив реки также связывается с мифологемой жизненного пути, процесса становления героя.

Поэтика пространства озёр

Традиционно образы озер в литературе связываются со статикой. В поэтике отмечается их гладь, зеркальность, слиянность с небом. В традиционной литературе озера – это созерцательное пространство, на фоне которого авторы наслаждаются эстетикой природы. В. П. Сысоев, напротив, описывает таежные озера как гиблое пространство: «опасны озера, заросшие водяным орехом и остролистом» [12, с. 291]. В главе «Робинзоны Муравьиного острова» представлен образ торфяных болот, в которых вода «черная как нефть». Они настолько необычны и таинственны, что девушка Галя, плавающая в водах озера, представляется автору мифической «русалкой». Самым величественным предстает Чукчагирское озеро. Это озеро овеяно ореолом древности, мифопоэтикой легенд. Берега озера местные жители называют «берегом хорошей косы». Это место воспринимается сакральным, «когда-то на его берегах жили люди из племени Чукчагиров», по легенде погибшие в один день в результате боя с нигидальцами, а девушка, в которую влюблен герой мифа, бросилась в воды озера [12, с. 278]. Легенда о чукчагирах, рассказанная Юкамзаном, очень поэтична: «Мой дед говорил, что, когда не было ружей, а птицу люди убивали стрелой и огонь добывали из камня, сюда пришло племя от большого озера Байкал. У них было немного оленей, но они были хорошие рыбаки. Это были люди рода чукчагир...» [12, с. 279]. Сама легенда восходит к топонимическим мифам, функция которых наравне с космогоническими и эсхатологическими мифами служила цели просвещения нового поколения. Сюжет легенды о чукчагирах социален, это повествование о традициях сватовства и кровной мести между родами, битва за жену, что свидетельствует о позднем типе мифов. Введение в план повествования этнического фольклора (песен, легенд, поговорок) связанных с топонимикой Приамурья (характерная черта для прозы В. П. Сысоева), с одной стороны, концептуализирует географическое пространство Приамурья в социокультурном аспекте (поликультурное пространство, становление которого основано на процессе взаимодействия русских с коренными народностями), с другой стороны, апеллирует к глубинным архетипическим пластам геопозитических образов.

Старик Юкамазан говорит о непредсказуемом, опасном характере озера, что плавать на нем можно «только когда ветер спит» [12]. Мистическим образом от главного героя отворачивается его обычная охотничья удача: «Буслаев попытался поймать рыбы – по всему чувствовалось, что ее в озере много, – но рыбацкая удача отвернулась от него: сколько ни забрасывал он спиннинг, рыба не ловилась» [12, с. 278]. Автор отмечает, что Чукчагирское озеро – самое большое озеро Приамурья: «Широко раскинулось водное зеркало Чукчагирского озера. Топографы определяют его в триста шестьдесят три квадратных километра, но в древние времена оно было почти в два раза больше» [12, с. 287]. Его «раздолье» сравнивается с раздольем Амура и Байкала, откуда по легенде пришло племя чукчагиров.

Можно заключить, что в поэтике озер В. П. Сысоев не столько следует литературным традициям, рассматривая озера как созерцательное пространство, сколько придает образам озер региональную специфику, связанную с социокультурным аспектом (пространство промысла, сакральное пространство, опасное пространство).

Поэтика морского пространства

Образ моря как водного пространства Дальнего Востока в прозе В. П. Сысоева представлен в повести «За Черным соболем» и рассказе «Ход до смерти». Примечательно, что море также становится для автора «пространством охоты», по сюжету на побережье Охотского моря происходит первая охота героя на медведей. Если в «Мятежной душе» в крымском тексте описание моря больше созерцательное, то в повести «За Черным соболем» герои действуют в прибрежном пространстве. Охотское море описывается спокойным, с «зеркальной поверхностью», но динамика моря все же подчеркивается: «у берегов била волна, шурша крупной галькой»; «накатываясь на берег, волны с шипением исчезали среди камней» [13, с. 163]. Море становится естественным препятствием для медведей, пришедших за «дарами моря» к берегу. Тут оно описывается как «пучина», которая «чернела глубиной», образуя «непропуск» на несколько километров. Это не только передает физические параметры места как труднопроходимого, но символически предвещает события, в которых побережье станет пространством смерти для животных. Образ моря представлен автором в дихотомии «море / суша», где побережье является частью пространства моря. Автор детально описывает разнородности прибрежного рельефа от отвесных скал до камней, обточенных морем, раскинутых на побережье. Пространственные образы морского побережья оказывают столь сильное влияние на героя, что медведя он принимает за один из камней: «Но вот один из продолговатых черных камней принял округлую форму и переместился ближе к полосе прибоя» [13, с. 163]. Море воспринимается автором как пространство, полное жизни: «В воздухе стремительно пронеслись топорки, медленно пролетали серо-желтые чайки... Пахло соленой рыбой» [13]. В. П. Сысоев создает образ дальневосточного северного моря как сурового пространства с труднопроходимым прибрежным рельефом, «густыми туманами», диким нравом в зимний период, но богатого фауной, важным местом для промысла тюлей и белух, источником пищи для медведей. Образ Японского моря представлен более светлым, теплым. Он связан с морским путешествием кеты Серебрянки в рассказе «Ход до смерти». Тем не менее морская символика в прозе В. П. Сысоева более характерна для образа тайги, где тайга сравнивается с океаном, подчеркивается ее «безбрежность», простор и вольность.

Поэтика «гиблых» пространств

Специфическим водными пространствами Приамурья являются мари, топи и болота. Семантика этих геопоэтических образов сводится к семантике «гиблого» места. В сюжете прозы В. П. Сысоева эти места связываются с труднопроходимыми препятствиями, которые герои преодолевают либо благодаря выдающимся качествам («За черным соболем», «Светлые струи Амгуни»), либо «чудесному спасению» («Лоська»). Это «гибкое пространство» автор обозначает как «бесконечные торфяные поля»,

«непроходимые топи и болота», «плавучие берега реки», «торфянистые заторы», водяные «окна», «коварные мари с обликом прерий». Автор подчеркивает обманчивость этих мест для человека: «С западной стороны к солонцу подступала марь, которая просматривалась на несколько километров. В свете гаснущего солнца она казалась привольным лугом: садись на коня и несись во весь опор. Но Буслаев знал коварство марей с обликом прерий... Издали марь кажется гладкой, а ступи шаг – запнешься о кочку, сделай второй — увязнешь в сыром мху, запутаешься в густой осоке» [12, с. 268]. Героям повести, увидевшим зеленые берега Ольджикана, показалось, что там идеальные места для сенокоса: «Сенокосы-то какие пышные!». Но позже они узнают, что «плавающая почва» не выдержит ни «лошадь с сенокосилкой», ни «человека с литовкой». Один из героев отмечает парадоксальность приамурской природы: «лугов в Приамурье много, травы – тьма, а сено заготовить не просто трудно, порой – невозможно» [12, с. 298]. В символическом плане в сюжете повести «Светлые струи Амгуни» образ топей связывается с образом «топкой» любви – безответной любви Гали к Молчанову. Авдеев говорит о невозможности этой любви: «Молчанов ей не пара, ...сильно городской он, да и женат, кажись» [12, с. 299]. Именно в пространстве топей в момент робинзоады на Муравьином острове и в совместном преодолении торфяных болот Галя понимает, что ее любовь к Молчанову сильна, но безответна, что она может погубить ее. В этой «топкой» любви завяз и Роман Ермолов. Мудрый старый охотник Авдеев, не видя смысла в отношениях городского парня и девушки, выросшей на лоне природы, напоминает им о природосообразности порядка вещей, в том числе и любви: «В жизни так всегда бывает, лычко с лычком сходится, ремешок с ремешком, а мотусок с мотуском» [12].

Образы «топких пространств», с одной стороны, являются специфическими геопоэтическими образами, концептуализирующими природно-географическое пространство Приамурья, с другой стороны – связываются с семантикой «гиблого» места. Сюжетообразующая функция этих пространств в художественном мире прозы В. П. Сысоева связывается с инициацией героев, с прохождением ими труднопреодолимых препятствий. Идиллический хронотоп связывается с мечтами героев о природоведческой деятельности в условиях таких ландшафтов (одомашнивание лосей для помощи в преодолении «плавающих» почв, смена сельского хозяйства в этих районах на охоту и собирательство и т. д.)

Заключение

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что водное пространство Приамурья в прозе В. П. Сысоева предстает как целостная система, элементами которой являются образы рек, озер, болот и т. д. Оппозиции внутри системы организованы по иерархическому принципу: образы рек связываются с образами океана и морских пространств, болота и топи являются частью геопоэтического образа рек и озер как его «плавающая» суша. Изображение водных пространств в прозе В. П. Сысоева представлено в двух аспектах:

1) как объективно-научное географическое описание (реальная топонимика, описание размеров, сведения об истоках, притоках и устьях; особенности ландшафта, флоры, фауны и т. д.);

2) как символично-философское художественное обобщение (пространство инициации героев, воплощение стихийных сил природы, изменчивости природы, естественного круга жизни и смерти и т. д.).

Основными художественными приемами изображения водных пространств является метафоризация и сравнение, часто анималистическое, что является проявлением мифопоэтического понимания природы, обусловленного социокультурной спецификой освоения пространств Приамурья (взаимодействие с коренными народами). Образы водного пространства включены в хронотопическое художественное пространство, связанное с хронотопом пути и идиллическим хронотопом.

Л и т е р а т у р а

1. Замятин, Д. Н. Культура и пространство : Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – Москва : Знак, 2006. – 488 с.
2. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2000. – 404 с.
3. Шукин, В. Локальный текст / В. Шукин // Гуманитарная география. – Москва : Институт Наследия, 2010. – Вып. 6. – С. 290–293.
4. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1984. – Вып. XVIII. – С. 30–45.
5. Гуминский, В. М. Египет и Синай глазами русских паломников / В. М. Гуминский. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/20/egipet_i_sinaj_glazami_russkih_palomnikov.
6. Давыдов, А. Н. Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта / А. Н. Давыдов // Культура русского севера. – Ленинград, 1988. – С. 86–99.
7. Лавренова, О. А. Образ места и его значение в культуре провинции // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / О. А. Лавренова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 413–426.
8. Разумова, И. А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко» : Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв. / И. А. Разумова // Русская провинция : миф – текст – реальность. – Москва ; Санкт-Петербург, 2000. – С. 324–334.
9. Богумил, Т. А. Геопозтика В. М. Шукшина : [коллективная монография] / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко ; научный редактор А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – 176 с.
10. Скокова, Д. С. К определению понятия «геопозтика» / Д. С. Скокова // Геопозтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сборник научных статей. – Барнаул : АлтГПУ, 2017. – С. 5–11.
11. Александрова-Осокина, О. Н. Вопросы геопозтики в современном литературоведении / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 216–241.
12. Сысоев, В. П. Избранное: в 3 т. / В. П. Сысоев. – Т. 2. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2013. – 384 с.
13. Сысоев, В. П. Избранное: в 3 т. / В. П. Сысоев. – Т. 1. – Хабаровск : Приамурские ведомости, 2013. – 304 с.

R e f e r e n c e s

1. Zamyatin, D. N. Kul'tura i prostranstvo : Modelirovanie geograficheskikh obrazov / D. N. Zamyatin. – Moskva : Znak, 2006. – 488 s.
2. Abashev, V. V. Perm' kak tekst. Perm' v russkoj kul'ture i literature XX veka / V. V. Abashev. – Perm' : Izdatel'stvo Permskogo universiteta, 2000. – 404 s.
3. Shchukin, V. Lokal'nyj tekst / V. Shchukin // Gumanitarnaya geografiya. – Moskva : Institut Naslediya, 2010. – Vyp. 6. – S. 290–293.
4. Lotman, Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda / Yu. M. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu, 1984. – Vyp. XVIII. – S. 30–45.
5. Guminskij, V. M. Egipet i Sinaj glazami russkih palomnikov / V. M. Guminskij. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/02/20/egipet_i_sinaj_glazami_russkih_palomnikov.
6. Davydov, A. N. Arhangel'sk: semantika gorodskoj sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta / A. N. Davydov // Kul'tura russkogo severa. – Leningrad, 1988. – S. 86–99.
7. Lavrenova, O. A. Obraz mesta i ego znachenie v kul'ture provincii // Geopanorama russkoj kul'tury: Provinciya i ee lokal'nye teksty / O. A. Lavrenova. – Moskva : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – S. 413–426.
8. Razumova, I. A. «...Kak blizko ot Peterburga, no kak daleko» : Petrozavodsk v literaturnyh i ustnyh tekstah XIX–XX vv. / I. A. Razumova // Russkaya provinciya : mif – tekst – real'nost'. – Moskva ; Sankt-Peterburg, 2000. – S. 324–334.

9. Bogumil, T. A. Geopoetika V. M. Shukshina : [kollektivnaya monografiya] / T. A. Bogumil, A. I. Kulyapin, E. A. Hudenko ; nauchnyj redaktor A. I. Kulyapin. – Barnaul : AltGPU, 2017. – 176 s.
10. Skokova, D. S. K opredeleniyu ponyatiya «geopoetika» / D. S. Skokova // Geopoetika Sibiri i Altaya v otechestvennoj literature XIX–XX vekov : sbornik nauchnyh statej. – Barnaul : AltGPU, 2017. – S. 5–11.
11. Aleksandrova-Osokina, O. N. Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii / O. N. Aleksandrova-Osokina // Nauchnyj dialog. – 2020. – № 5. – S. 216–241.
12. Sysoev, V. P. Izbrannoe: v 3 t. / V. P. Sysoev. – T. 2. – Habarovsk : Priamurskie vedomosti, 2013. – 384 s.
13. Sysoev, V. P. Izbrannoe: v 3 t. / V. P. Sysoev. – T. 1. – Habarovsk : Priamurskie vedomosti, 2013. – 304 s.